

В средние века интеллектуалы были не так пугливы.

У нас принято считать, что схоластика – это очень скучно. Гегель в лекциях по истории философии говорил с кафедры: «Нельзя требовать от человека, чтобы он знал средневековую историю по источникам, так как она изложена в книгах столь же объемных и многотомных, сколь и написанных ужасно скверно». Он не мог найти в средневековой мысли вещи, которые были бы не столь скучны, как сопоставление суппозиций и субсистенций, и были бы актуальны для нас. Тем не менее, это было время, когда можно было обсуждать буквально все: и богословские проблемы, и не богословские, и даже те, о которых и сейчас говорят полушепотом и полунамеком.

Чтобы кольнуть схоластику, вспоминают дискуссии о том, сколько ангелов сидят на игле. А это не только схоластам казалось важным вопросом. У нашего русского святого Игнатия Бренчанинова, канонизированного в год тысячелетия крещения Руси, есть прибавление к книжке «Слово о смерти», где он обсуждает вопрос о телесности ангелов. И доказывает, что в христианской традиции ангелы телесны, пускай и очень тонкой телесностью. Фома Аквинский же, напротив, полагал, что ангелы – это *intelligentia separata*, в смысле – отделенная от материи и телесности чистая интеллигенция. Соответственно, предстают два варианта ответа: если это чистый разум как таковой, то сколько угодно ангелов может сидеть на кончике иглы, если же мы верим русскому святому, то хоть и очень много, но все же ограниченное количество. Вопрос не столь глуп, как может показаться, если мы вообще интересуемся природой ангелов.

Зал: Есть еще третий вариант – ноль. Если ангелы бестелесны, то они никак не локализованы в пространстве, а тем самым и на кончике иглы тоже.

Спикер: Может быть и такой ответ, но все-таки традиция говорит

нам, что они в наш мир являются. А если являются, то значит, на чем-то должны сидеть. Я к тому, что эти вопросы не столь дурны, как это обычно представляется, когда хотят поругать средневековую мысль.

Зал: То есть средневековые интеллектуалы были более рациональны, чем мы, можно так сказать?

Спикер: По-своему. Но точно менее пугливы, чем мы.

Зал: Ну, а как они рационально чудо объясняют? Например, кормление пятью хлебами. Как это физически происходит? Ведь любое чудо должно как-то визуализироваться. Когда пятью хлебами кормится 5 тысяч человек, это должно как-то представляться – что с этим хлебом происходит. Вот это каким-то образом разбиралось?

Вопрос о чудесах тесно связан с вопросом об атомах. Почему в средние века не любили теорию атомизма? Ее периодически вспоминали: Гильом Коштский, Николай из Отрикура. Но почему-то ее не любили. Казалось бы, какая разница: Бог сотворил мир из атомов, которые дальше не делятся – или Он создал мир по Аристотелю, когда материю можно делить до бесконечности. Нам-то, христианам, какая разница. Как Бог захотел, так и сделал. Но, тем не менее, атомизм не любили. Потому что если атом не делится, то он должен быть пределом любого деления. А это, кстати, с кормлением пятью хлебами плохо вяжется.

Если мы согласны с аристотелевской теорией, то можем делить хлеб до бесконечности, и он всегда будет оставаться хлебом. А вот если мы делим, делим и доходим до атомарных частиц, то на этом уровне мы хлеб уже теряем, потому что атомарные частицы одинаковы для всего – что для хлеба, что для стола.

Деление не только останавливается, но еще и с финальной потерей того, что делится, и даже Бог ничего не может с этим поделать. Аристотель для евангельских чудес подходит гораздо лучше.

Зал: А мне вообще схоластическое мышление не кажется визуализаторским. Оно может начинаться с визуализации, но идет оно гораздо сильно дальше.

Зал: Кино тогда не снимали, поэтому и вопрос о визуализации не стоял.

Зал: Но фрески-то писали, и часто в раскадровке.

Зал: Многие их мыслительные процессы невозможно визуализировать, это чисто логические операции. Например, вопрос о том, может ли Бог сделать бывшее небывшим, решается логически, а не визионерски.

Спикер: Я согласен, для таких вопросов надо иметь сильную фантазию, но отвечает на них все-таки разум, исчерпывающий свои возможности до предела.

Зал: Вы говорите, что это время отличалось такой интеллектуальной смелостью, которая в сегодняшней истории невозможна. Не связано ли это с тем, что мир тогда был более разрозненным? Нет постоянных, оживленных коммуникаций с перемещением людей, идей и денег, а значит, и нет возможности наказать человека, позволившего себе несколько вольные измышления, сидя за монастырскими стенами в Саксонии. Туда год ехать папскому легату. До них было не дотянуться – и это давало определенный уровень свободы.

Спикер: Не соглашусь. На такую недосыгаемость могли рассчитывать только ирландцы. Они сидели на самом дальнем острове, Ирландия была единственным местом в Европе, которое не затронуло великое переселение народов. А на материке: лес, лес – монастырь, лес, лес, лес – монастырь. Точки, где люди сидели, были обозначены явно. Это не как сейчас: уехал на дачу, а где находится твоя дача – никто не знает.

Уровень интеллектуальной свободы был прямо пропорционален высокому доверию к интеллекту. И он его действительно заслуживал, если не во всех выводах, то в бесспорных

основаниях.

Я как-то на одной конференции встретил журналистку, которая думала, что шарообразность Земли доказал Галилей, в крайнем случае – Коперник. Но, естественно, все интеллектуалы античности и средних веков знали, что Земля – шарообразна.

Земля – шар, это относилось к геометрическому слою непреложных оснований. Оставаясь внутри геометрии, выкладки оставались безошибочными: есть северное полушарие и есть южное полушарие, они разделены экватором. Но переходя в область эмпирических обобщений, заключения могли давать сбой из-за нехватки проверенного материала. Например, температурные параметры из геометрических аксиом не выводятся. Но можно было видеть, как по мере удаления от полюса холод смягчается, а по мере приближения к экватору жара усиливается. Значит, экватор – это экстремум жары. Пока все верно. Но для оценки конкретного климатического экстремума применялось логическое понятие предела. И выходило, что там насколько жарко, что все немедленно сгорает. Следовательно, экватор пересечь нельзя. Этой логике доверяли настолько, что португальцы и испанцы даже не стремились достичь Индии, огибая берега Африки. Доплывешь до экватора – и твой корабль сгорит.

Зал: Нет, там другое. Там дуют муссонные ветра, они дуют по дуге, поэтому надо плыть на юго-запад, чтобы тебя в конце концов снесло к южной оконечности Африки. Об этом знали португальцы, которые были хорошими мореплавателями. Колумб попал на запад не потому, что боялся сгореть на экваторе, он просто плыл по ветру.

Спикер: Не буду с вами спорить. Но это относится к 15-му веку. А в 12-м или 13-м верили Аристотелю.

Из непреодолимости экватора возникал вопрос об антиподах. Южная половина Земли существует. Но живут ли там люди? Виргилий, архиепископ Зальцбургский, по происхождению ирландец, доказывал, что должны быть и антиподы, иначе не

будет симметрии, которая заложена геометрически. А его противник Бонифаций, англосакс, который терпеть не мог ирландцев, конечно, с ним спорил. На каком основании? Ну как же. Пусть имеет место прямая симметрия, и плоскость симметрии нельзя пересечь.

Допустим, что отношение симметрии распространяется также на человека, и южное полушарие населено антиподами. Но тогда получается, что Адам должен рождаться отдельно в северном полушарии – и отдельно в южном. Христос тоже должен приходить отдельно в северное полушарие – и отдельно в южное. Разделение деяния умаляет его величие.

Кстати, отрицание антиподов Бонифацием очень напоминает отношение нынешних христиан к инопланетянам. Если они есть, то что же, Христос и к ним приходил? А если не приходил, то что, «проповедайте всем народам» – это и про них тоже? Не понятно, как им проповедовать, а проповедовать надо. Слать им в космос не теорему Пифагора и не двойную спираль ДНК, а «да любите друг друга»? Это не логично, это не практично, поэтому лучше, чтобы их не было. Вот такие вопросы, вроде бы теологического характера, но которые и нас задевают. Не про антиподов, так про инопланетян, не про кенокефалов, так про дельфинов.

Зал: А в средневековье разумными считались только люди? Или допускалась разумность животного мира?

Спикер: Допускалась, безусловно. Другое дело, что не официальной церковью. Тут могли быть исключения, например, единорог. Или у святого Франциска – птички. Он не только птичкам, он и рыбкам проповедовал. И рыбки выплывали, раскрывали рты и слушали его проповеди. На уровне уникальных святых, с одной стороны, и массового религиозного сознания – с другой, это признавалось и смыкалось.

Зал: Еще такой вопрос. Жертвоприношение как идея и практика. На территории Москвы несколько раз в год режут баранов. В наше время, в информационном мире, где изображение влияет на

миллионные аудитории, насколько принесение в жертву животных уместно? Как это переносится на психологию людей?

Спикер: На мою психологию плохо переносится, но я же не мусульманин. А на психологию средневековых людей это, наверное, переносилось совершенно нормально. Потому что Бог дал животных для того, чтобы человек их потреблял и так жил.

Зал: А как в средние века относились к вину? В сакральном контексте. Вино рассматривалось как наслаждение, как лекарство, как причащение к высшим силам?

Зайдите в любой магазин, где продают хорошие сорта пива и ликеров, и вы увидите «Августинер», «Францисканер», «Траппист» или «Шартрез». Из средних веков происходят самые вкусные напитки. Мы видим множество святых и философов, для которых этот вопрос был тоже крайне важен. Роберт Гроссетест, оставив пост канцлера в Оксфордском университете, становится епископом линкольнским. Теперь он должен исповедовать людей. И вот к нему приходит человек, страдающий тяжким заболеванием – отчаянием. Что за епитимью накладывает на него епископ? Советует больше пить вина. Я думаю, монах не отказался.

Самый прекрасный человек из череды теоретиков алкоголя – алхимик и францисканец Иоанн де Рупесцисса. Его книжка о квинтэссенции – 1450 года. Человек он был добрый. Все ждали прихода Антихриста. И людей не надо было пугать, людей надо было как-то успокоить, считали францисканцы. А как успокоить, чем привести в хорошее настроение? Он пишет работу о пятой сущности, и в ней приводит примеры конденсации и дистилляции жидкости, которую он называет «водой жизни» (aqua vitae), «духом вина» (spiritus vini) или же «пятой сущностью».

Если прибавить пятую сущность к четырем, уже содержащимся в человеке, а это земля, вода, воздух и огонь, то он придет к гармонии с универсумом, в котором сущностей содержится пять, то есть включая также эфир.

С точки зрения Иоанна Дерупесцисса, пятая сущность – это как раз спирт и есть. Универсальный антидепрессант и панацея, истинная гармония микро- и макрокосма. Особенно необходимая человеку в перспективе скорого прихода Антихриста. Полное название сего труда: «Книжица об изготовлении подлинного философского камня для облегчения бедственного состояния Папы и клира во время испытания».

Зал: Очень хороший водочный бренд. Мне кажется, «Квинтэссенция» пользовалась бы успехом даже без философского объяснения.

Спикер: Понятно, что в те времена еще не знали, что такое абстиненция.

Зал: А что мешало напиться до похмелья?

Спикер: Видимо, цена. И, вероятно, ценность. Это же не просто борьба с болезнями, борьба с депрессией, это битва с самим Антихристом все-таки.

Зал: Вот вы говорите, что особенность средневекового мышления – дойти до сути. При этом, ища суть, оно часто упускает очевидные факты. Или анализирует факты, опираясь на источники, сконструированные исключительно умозрением. Сейчас, при обсуждении любого вопроса даже на уровне экспертного сознания, мы очень цепко обращаемся с фактами. Нам важно быстро увидеть в их конфигурации образ реальности, отсканировать его, учесть и двигаться дальше. Времени возводить этот образ к последним основаниям и сверяться с ними просто нет, а в большинстве случаев это совершенно бессмысленно.

Спикер: Почему?

Зал: Потому что у мира нет хозяина, который был бы держателем истины любых фактов, выпавших нам как игральные кости. А средневековый ум мыслит до конца, потому что истина известна, ее остается только правильно соотнести с данным набором фактов. А если что не так, у мира есть хозяин, который всегда

нам даст об этом знать. Господь всегда приведет познание к точке равновесия с истиной. Отсюда особенность средневекового типа мышления: если появляется что-то новое, например, алкоголь, то его место в общей метафизике нужно просто точно указать. А в нашем случае мир устроен принципиально неправильно, потому что для него никто не предлагает никаких исходных правил, поэтому нет потребности находить вещам их положенные места, додумывать картину мира до ее полной связности и так далее.

Спикер: Может быть. Да, наверное, так. Средневековый мир был как-то организован.

Зал: А наш мир сам по себе не организован. Он бесхозный.

Спикер: Если Бог сотворил спирт, значит, для чего-то он это сделал. И мы должны понять, для чего. Мне нравится высказывание Бенджамена Франклина, который изобрел громоотвод, и теперь изображен на 100 долларовой купюре. Кроме инженерной конструкции громоотвода, он предложил безупречное доказательство божественного бытия, и можно предположить, что его поместили на 100 долларовую купюру именно за это. Он заключил: «Существование пива доказывает существование божественной благодати».